

Отличие великих от хороших

Валерий Гергиев размышляет об уникальности и дисциплине

Общая газета - 1994 - 13 - 19 ноября - с. 8.

Дирижер Валерий Гергиев — абсолютный лидер российской оперной сцены. Возглавляемый им Мариинский театр сделал главенство Петербурга на вокально-театральной карте России безусловным и непререкаемым. Премьеры Мариинского, записи солистов, хора и оркестра на фирме Philips, регулярные гастрольные туры в Европе и Америке, участие в крупнейших фестивалях мира не могли не привести к тому, что Мариинский театр и Валерий Гергиев лично превратились в глазах мировой общественности в полномочного представителя — если пользоваться сакаральными терминами — российского искусства. Валерий Гергиев также руководит Роттердамским симфоническим оркестром, ставит спектакли на крупнейших оперных сценах — в лондонском «Ковент Гарден» и нью-йоркском «Метрополитен Опера», выступает с выдающимися оркестрами, стал звездой престижнейших фестивалей, Зальцбургского и Эдинбургского. Недавно Гергиев был назначен главным приглашенным дирижером «Метрополитен Опера».

Наталья ЛОБИНОВА

«товар лицом», и приносит ощущение стабильности. Участие в фестивалях и гастроль — огню не роскошь и не только материальный стимул. Вписываясь в международный контекст, мы понимаем свое собственное место в мире и повышаем требовательность к самим себе. А то, что для собственной публики мы всегда выкладываемся до конца, это само собой разумеется.

— В вашей творческой жизни мелькают названия разных городов и стран. Успеваете ли вы их освоить, полюбить, какой из городов вам ближе?

— Главными для меня остаются Осетия как родина моих предков и Петербург как моя духовная, музыкальная столица. Это ведь не только город прекрасной архитектуры, но в нем создавались творения Стравинского, Прокофьева, Мусоргского, Чайковского. И даже музыка Верди или Берлиоза, если хотите. Меня всегда интересовало, что именно приводило этих и других композиторов в Россию. Мне кажется, это было похоже на то особое место, которое занимают в жизни современных артистов Лондон и Нью-Йорк — это духовная ниша в тревожной и беспокойной жизни. Хотя, конечно, настоящая музыкальная жизнь кипит не только в огромных центрах с обилием оркестров и театров. Существует и понятие престижа. Скажем, такие кумиры, как Лучано Паваротти или Пласидо Доминго, после миллионных контрактов, которые они подписывают для концертов перед миллионной аудиторией, все равно будут выступать за сравнительно небольшие гонорары в Байрейте только потому, что это престижно.

Роттердам как город, к примеру, меня привлекает меньше, чем Амстердам. А в Италии мне всегда интересно. Я дирижирую иногда оркестром Римской Академии Санта Чечилия — прекрасный оркестр, не случайно такие корифеи, как Джулини, Маазель, Бернштейн, часто приезжали туда. И я, вслед за великими музыкантами, поддаюсь невероятному обаянию Рима. Просто ночью пройтись по Риму — это сказка. А у меня там есть еще и друзья. Один из них, Мауро Кукорелли, способен без остановок много часов подряд рассказывать историю города — про каждый дом. Я чувствую себя мальчишкой, которого водят по волшебной стране. Ночью, после концерта, независимо от того, удачно ли прошел концерт, нет большого удовольствия, чем пройтись по Риму...

— У вас бывают неудачные концерты?

— Конечно. Я знаю это лучше критиков и лучше публики. В своем мнении я опираюсь и на то лучшее, что слышал у великих дирижеров, и, с другой стороны, — на свои лучшие выступления.

— Вы посвятили в октябре «Парсифаль» памяти Святослава Рихтера. Почему именно этот спектакль?

— Я очень хорошо помню встречу с Рихтером в отеле в Токио, куда он прилетел, чтобы сыграть с нами концерт. Из-за его болезни совместное выступление, к сожалению, не состоялось, но компенсацией для меня оказалась наша беседа. Рихтер не мыслил узко пианистически, его интересовали оперы Дебюсси, Вагнера, «Чародейка» Чайковского. Святослав Теофилович и благословил меня на «Чародейку», сказав дословно следующее: «Вы должны доказать, что эта опера не уступает «Пиковой даме». Я осторожно поделился с Рихтером своими планами относительно постановки «Парсифаля» и понял, что он не просто знает и любит Вагнера: многие крупные дирижеры, в том числе вагнеристы, могли бы получить от него ценнейшие советы. Он был мастером архитекто-

ники, охватывал произведение все целиком, с высоты орлиного полета. Именно с такой задачей сталкивается дирижер в таких операх, как «Китеж» или «Парсифаль». Если бы Рихтер занялся дирижированием, он оставил бы по меньшей мере три-четыре феноменальные интерпретации. Это могли быть Бетховен и Брукнер, возможно, Вагнер. Рихтеровский напор — ни в коем случае не прохот, но невероятная энергетика, мощь, сквозное течение музыкальной мысли — все это уникально. Что отличает великих от хороших? Именно уникальность.

— Каковы ближайшие планы и вообще концепция развития Мариинского театра?

— Будем продолжать осваивать произведения, которые любой крупный музыкальный театр мира считает обязательными для себя. Это оперы Верди, в их числе «Риголетто» и «Травиата». Наши молодые певцы, и особенно певицы, уже заслужили, чтобы эти оперы ставили в расчете на них. Я думаю, что и более «тяжелый» Верди должен зазвучать на нашей сцене. Если не завтра, то послезавтра. Мы вернемся к «Аиде» — в исторических декорациях, которыми располагает Мариинский театр, костюмы будут стилизованы. У нас много выдающихся исполнителей на все роли — достаточно назвать Бородину, Григоряна, Галузину, Путилина, Горчакову, Цыдыпову, Шагуч.

— Вы недавно выпустили на фирме Philips запись «Силы судьбы» Верди в исходной версии — той, что была создана композитором по заказу Петербурга. Собираетесь ли вы реализовать эту оперу как спектакль?

— Думаю, нам просто необходимо показать «Силу судьбы» в старинных декорациях Роллера — тех самых, времен мировой премьеры, освященных самим Верди. Я уже имею договоренность с американским режиссером Илайшей Мошинским.

— Вы планируете только «исторические» постановки?

— Совсем наоборот. Сегодня мне хочется как можно больше эксперимента, риска. «Риголетто», например, у нас будет ставить известный радикал — английский режиссер Дэвид Паунтн, как раз идут переговоры. Может быть, и новая «Пиковая дама» будет экспериментом, и новая «Травиата». Пока не буду называть имен. Давно меня манит «Бенвенуто Челлини» Берлиоза — опера замечательных достоинств. Пусть это прозвучит безрассудно, но в недрах моей команды уже зреют мысли о «Тристане и Изольде». А премьера «Летучего голландца» назначена уже на 20 января 98-го года.

— А каковы ваши планы в Нью-Йорке?

— «Метрополитен» дает мне теперь большую свободу выбора. Сначала я, скорее всего, сделаю одну оперу Вагнера, потом — другую, одну оперу Верди, потом — другую. Насчет первого Верди уже ясно, это будет «Дон Карлос». Мне предложили еще несколько работ, от которых я сознательно отказался сам, в том числе от новой постановки «Мефистофеля» Бойто. Хотя выдающийся бас американец Сэмюэл Реми очень хотел, чтобы я взял этот спектакль.

— Этим летом вы дирижировали «Борисом Годуновым» в Зальцбурге. Я заметил, что у вас уже появились нежные отношения и с Венским филармоническим оркестром.

— Этот оркестр считается самым трудным в мире, по крайней мере среди дирижеров. Но у меня отношения с музыкантами сложились сразу. Надеюсь, состоится еще одна огромная работа в Зальцбурге, которая будет посвящена памяти Шолти. В проекте примут участие артисты, которые работали с Шолти на протяжении всей карьеры, в том числе Пласидо Доминго.

Это будет концертное исполнение «Парсифаля» с Венскими филармониками.

— Говорят, что в выбор того, кто должен заменить за пультом покойного Шолти, были вовлечены не только руководители фестиваля, но и родные маэстро, и его близкие друзья.

— Да, они размышляли о том, на кого указал бы сам Шолти. Я счастлив, что выбор пал на меня.

— Каково ваше мнение о ситуации в Большом театре?

— Очень бы хотелось, чтобы Большой и Мариинский шли рука об руку. Меня часто спрашивали последнее время на пресс-конференциях: рвусь ли я в Москву? А некоторые прямо-таки утверждали, что мое место — в Москве. Я был недавно в Кремле, и речь там шла о положении двух великих театров. Думаю, в России никогда не будет трех или пяти таких театров, их всегда будет только два. Появляются и еще появятся новые интересные театры, но «грандов» останется два. Речь в Кремле — нет, это был не лично Ельцин — шла о том, чтобы повернуть правительство лицом к проблемам театра.

Честно говоря, я очень давно не был в Большом театре и не знаю ситуации. Оркестр там хороший, так что все зависит от дирижера. У нас в Мариинке оркестр великолепный, но иногда он может играть хуже, чем оркестр Большого театра, — я же с ним работаю очень много. Проблема Большого театра состоит в том, что дирижер по фамилии Феранец мир пока не знает. Это очень серьезная проблема, я не преувеличиваю. Сегодня даже Венская филармония хочет, чтобы за дирижерский пульт вставали Мути или Аббадо, даже Венская филармония не гарантирует полный зал без самых именитых дирижеров. Чтобы один оркестр без дирижера гарантировал качество, такого пока не бывало.

— Вы входите в Комитет по национальным премиям в области культуры и, кажется, чем-то недовольны?

— Мне не понравилось, что мнение специалистов оказалось менее важным, чем росчерк Кремля. После голосования на премию прошел замечательный композитор Ширвани Чалаев, а потом, кажется, стараниями Святослава Бэлзы Ельцин подписал приказ о присуждении премии Павлу Когану, кандидатуру которого мы и не обсуждали. Меня это возмутило, и я подумываю, не выйти ли из комитета.

— Неприятный вопрос. Ваше имя фигурировало на всю страну в списке самых злостных неплательщиков налогов. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Только то, что это произошло в тот момент, когда я был на очередных гастрольях. По возвращении я тотчас же справился в соответствующих инстанциях — и получил извинения. Оказывается, вышла ошибка.

— А как вы смотрите на общую ситуацию в России?

— Оптимистически, хотя оптимизм мой несколько тревожный. Мне кажется, что необходим очень серьезный разговор на самом верху с выдающимися мастерами нашей культуры, имеющими вес во всем мире. Таких у нас в стране, наверное, не более пяти. Если мы хотим задержать в России и, может быть, вернуть сюда тех, кто верит, что здесь можно творить, это надо делать сейчас, немедленно. В целом в России есть явные признаки начала подъема, и поэтому такой разговор необходим. Он важнее сегодня, может быть, чем разговор с нефтяниками или с газовиками.

Беседовал
Алексей ПАРИН